

unter besonderer Berücksichtigung der Grabrichtung als eines der wichtigsten Merkmale ethnischer Besonderheiten.

In der Späteisenzeit (10. bis 12. Jh.) war für die Bestattungsweise aller baltischen Völker kennzeichnend, dass die Männer- und Frauengräber verschieden orientiert waren, wobei von den einzelnen Völkerschaften unterschiedliche Richtungen bevorzugt wurden (Abb. 1). Die kurischen Begräbnisse standen in dieser Hinsicht den zemgalischen und die latgalischen den selischen am nächsten. Bei den Ostseefinnen (Liven und Wenden) wurden sowohl männliche als auch weibliche Verstorbene mit dem Kopfende nach Norden (mit gewissen Abweichungen) beigesetzt.

Im 13. bis 15. Jahrhundert wurde die Graborientierung nicht konsequent eingehalten, sowohl bei den Balten als auch bei den Ostseefinnen wurden jedoch die Toten am häufigsten mit dem Kopf nach Norden bestattet (Abb. 2). Für diese Veränderungen waren offenbar die durch die Kreuzritterinvasion hervorgerufenen Verhältnisse entscheidend, die zur Folge hatten, dass die ethnischen Grenzen sich zu verwischen begannen, weil die Bevölkerung häufig gezwungen war, ihre Wohnorte zu verlassen und sich im Siedlungsgebiet anderer Volksstämme eine neue Heimstätte zu suchen. Bereits in dieser Periode verlangte die katholische Kirche, dass die Toten auf geweihten Friedhöfen bestattet würden, wo die Beisetzung vorschriftsgemäss mit dem Kopf nach Westen zu erfolgen hatte. Diese Forderung konnte vorwiegend in grösseren Siedlungszentren bzw. in deren Nähe durchgesetzt werden. Dort, wo eine gemischte Bevölkerung überwog (an grösseren Verkehrswegen und in den Verwaltungszentren), verliefen die ethnischen Prozesse besonders intensiv, während in den abgelegenen Landbezirken die Einwohner ihre alten Bräuche länger bewahrten.

Bereits im 14. bis 15. Jahrhundert begann sich bei den Latgalen, Selen, Kuren und Liven die SW-NO Bestattungsweise einzubürgern. Im 16. bis 17. Jahrhundert nahm sie bereits neben der W-O Bestattung eine dominierende Stellung ein und war für das gesamte Territorium Lettlands kennzeichnend. Offenbar darf aufgrund der Bestattungssitten das 14. bis 15. Jahrhundert als wesentlicher Abschnitt bei der Herausbildung des einheitlichen lettischen Volkstums angesehen werden. Da bei den Latgalen und Selen schon im 10. bis 13. Jahrhundert die W-O und SW-NO Orientierung in weiblichen Begräbnissen vorherrschend war, ist anzunehmen, dass die Hauptrolle bei der Herausbildung der lettischen Völkerschaft diesen Volksstämmen zukam. Andere archäologische Befunde, insbesondere das Vorhandensein latgalischen weiblichen Grabinventars in kurischen (Renda), zemgalischen (Ciemalde) und livischen (Vampenieši, Rauši) Graberfeldern bestätigen diese Annahme. Bei der Herausbildung der lettischen Völkerschaft spielten neben den anderen baltischen Stämmen (Kuren, Zemgalen) auch die Ostseefinnen (Liven) eine bedeutsame Rolle. Im 13. bis 14. Jahrhundert siedelten die zum Teil mit Kuren vermischten livischen Bevölkerungsgruppen nach Südosten in die von Zemgalen und Latgalen bewohnten Gebiete um. Dort trugen sie, indem sie sich mit den örtlichen Einwohnern assimilierten, ebenfalls zur Herausbildung der lettischen Völkerschaft bei. An den Orten, wo die N-S bzw. NW-SO Bestattungsweise vorherrschte, bildeten die Liven einen verhältnismässig hohen Prozentsatz der Bevölkerung (Abb. 3).

Die SW-NO und W-O Grabrichtung wurde auf dem Territorium Lettlands erst im 16. bis 17. Jahrhundert vorherrschend. Dieser Übergang mit der darauffolgenden Stabilisierung der Bestattungssitten ist nicht nur dem Einfluss des Christentums, sondern auch dem Umstand zuzuschreiben, dass um diese Zeit die Herausbildung der lettischen Völkerschaft sich bereits ihrem Abschluss näherte. Im 17. Jahrhundert galten die Vertreter der früheren Volksstämme im damaligen Lettland bereits als Angehörige einer einheitlichen Völkerschaft, und das äusserte sich auch in einem so konservativen Ritus wie demjenigen der Bestattung.

КОНТАКТЫ МЕЖДУ БАЛТСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ В X—XII вв.

Л. Вайткунскене (Вильнюс)

В научной литературе приведена обоснованная картина размещения племенных союзов на территории Литвы в I и начале II тысячелетия н. э. [1, р. 33–43; 2, р. 10–18; 3, с. 80–87]. В дальнейшем, разумеется, не исключены изменения, так как источники непрерывно пополняются. Одновременно исследователи разработали и концепцию, согласно которой в указанное время происходил постепенный процесс консолидации отдельных балтских племен, что в конечном счете привело к образованию литовской народности [4, р. 5–22; 5, с. 31–46]. Возникла необходимость выяснить этнокультурные контакты различных племенных объединений, размещенных на территории Литвы в конце I–начале II тысячелетия н. э. Именно взаимоотношение и взаимодействие этносов, постоянный обмен культурными достижениями, принадлежащими одной из контактирующих сторон, и составляют суть этнокультурных процессов.

При всей значительности выдвинутой проблемы нельзя не отметить и ее сложность. Нами исследуются контакты жемайтов с куршами в X–XII вв. Самобытность культуры жемайтов [6, с. 53–63; 7, р. 27–35] дает возможность распознать наличие в ней элементов культур других родственных балтских племен. Привлекаются новейшие сведения, полученные при исследовании могильника Жасинас (Шилальский р-н), в материалах которого наиболее четко выступают основные культурно-археологические и этнические показатели. В 1976–1979 гг. на территории памятника вскрыты 203 погребения, относящихся к X–XII вв. [8, с. 422; 9, с. 430–431; 10, с. 451; 11, с. 374]. Этническая интерпретация раскопанного материала дала повод для изучения воздействия куршской культуры на культуру жемайтов в X–XII вв.

Погребальный обряд. Исследователями установлено [5, с. 41; 7, р. 28], что погребения по обряду трупоположения – характерная черта этнической культуры жемайтов конца I–начала II тысячелетия н. э., в то время как на территории, заселенной другими балтскими племенами, преобладают погребения по обряду трупосожжения. Исключение составляет лишь северная часть центральной Литвы, куда обряд кремации так и не проник. Предполагается, что эту область населяли земгалы.

Однако с начала X в. в могильниках жемайтов встречаются и погребения с трупосожжениями. Но этот ритуал не нашел здесь широкого применения, так как погребения по обряду трупосожжения в общем не превышали 1–3%. Лишь в могильнике Жасинас такие погребения составляют 6,4%, по-видимому, решающую роль в этом сыграло то обстоятельство, что данный могильник находится в наиболее западной части ареала жемайтов, ближе к поморью, где господствовал обряд кремации (рис. 1). Могилы погребенных по новому обряду сконцент-

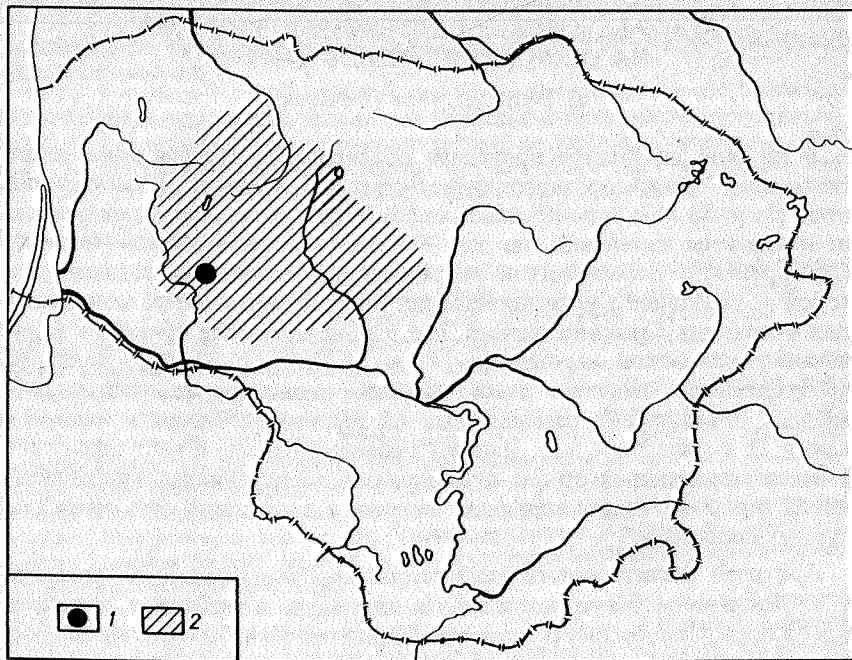

Рис. 1. Распространение жемайтов на территории Литвы во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (по А. Тауавичюсу): 1 — могильник Жасинас; 2 — ареал жемайтов

рированы на одной — северной стороне могильника. Своеобразно и размещение самих могил. Центральное место занимает парное захоронение двух знатных мужчин (погребение № 148). Со всех сторон его окружают пять мужских (погребения № 146, 147, 171, 172, 178) и три (№ 170, 177, 185) погребения, где пол не был установлен. Западнее находятся два (№ 110, 111) женских захоронения.

При анализе устройства могильных ям, содержания и расположения в них могильного инвентаря выявлен ряд деталей, характерных для двух племен и культур: местной и куршской. Очевидное влияние второй заключается прежде всего в самом виде погребального обряда — кремации. Напомним, что у куршей этот обряд закреплялся постепенно, поэтому исследователи [12, р. 384] прослеживают его эволюцию, начиная с устройства могилы (та же величина и форма ямы, гроба, как для погребений по обряду ингумации) и кончая размещением погребального инвентаря (оружие, орудия труда — у „изголовья”, нагрудные украшения — в „области груди”). Некоторые из эволюционных этапов имеют близкие параллели в материалах могильника Жасинас, что, возможно, указывает на непосредственное влияние культуры куршей. Общие черты устройства могил заключаются в следующем. После трупосожжения, совершенного на стороне, кальцинированные кости,

принесенные с ритуального костра, ссыпались в обычный гроб. Иногда в гроб клали символическую горсточку костей (погр. № 148) в тканой мешочке, отделанном бронзой. Существовала и тенденция, характерная для куршей, — изделия клали у „изголовья” (рис. 2). Погребения совершались по-прежнему в продолговатых ямах длиной 2,1–2,5 и шириной 0,8–0,9 м. Исключение составляли одна яма размером 3,1x1,8 м парного захоронения (№ 148) и другая (№ 185), где, по-видимому, похоронен ребенок, ибо она гораздо меньших размеров (1,3x0,6 м), характерных для детских захоронений. До проникновения обряда кремации местные жители не знали и традиции, согласно которой оружие втыкалось в землю по обеим сторонам гроба или оно намеренно портилось. Пример тому — могильная яма № 147, где по обеим сторонам погребения были воткнуты наконечник копья и боевой топор, а также могильная яма № 148, где глубоко в землю воткнуто по обеим сторонам гроба по одному мечу, а у одного из них конец рукояти намеренно согнут в спираль. Аналогичные случаи известны в ряде погребений с трупосож-

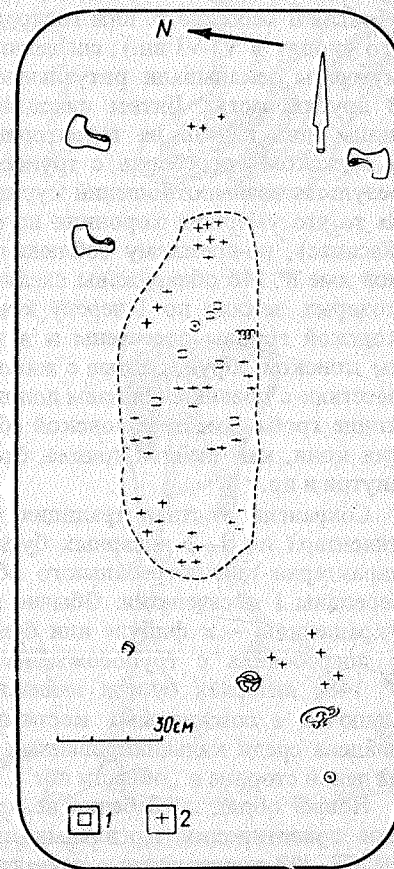

Рис. 2. План погребения № 178: 1 — сожженные кости; 2 — остатки угля

жениями не только у куршей, но и у других племен в центральной, восточной и северной частях Литвы [13, р. 127–129]. Воткнутое в землю оружие встречается даже при раскопках мест бывшего погребального костра, где неоднократно совершался ритуал сожжения мертвых [13, р. 127]. Вообще с проникновением обряда кремации в комплектах погребального инвентаря могильника Жасинас увеличилось количество, так и ассортимент оружия. Напр., встречаются боевые топоры (погребения № 147, 148, 178), которые в могильном инвентаре погребений с труположениями отсутствуют. В некоторых погребениях содержатся три (№ 146), даже пять (№ 148с) наконечников копий, два меча (№ 148в), три боевых топора (№ 178). Прямые аналогии такому обычаю известны в куршских могильниках. В комплектах погребального инвентаря могильников Имбаре (№ 20, 26), Лайвйяй (№ 214) (оба в Кретингском р-не) встречается также до трех топоров [14; 15, р. 50].

Наряду с новыми элементами в похоронном ритуале сохраняется ряд деталей, характерных для традиционного местного погребального обряда. В бассейне р. Юра господствовал многовековой обычай (корни его уходят в V–VI вв.), согласно которому в могильную яму знатного мужчины закапывали ритуальные части коня [16, р. 58; 17, с. 352]. В других частях Литвы находки такого рода отсутствуют. Известен лишь один случай на территории куршей, когда череп коня найден в мужском погребении с трупосожжением. Находка оценивается как результат взаимоотношений куршей с жемайтами [18, р. 73]. Несмотря на то, что умерших хоронили по новому обряду сожжения (могильник Жасинас), по-прежнему соблюдался и местный обычай. Так, в могильной яме № 148 обнаружены следы двух стоящих рядом гробов, наверху которых лежало по 1 черепу коня — один напротив другого. Остатки конской головы встречены и в мужском погребении № 172. Предметы конской сбруи, снятые с животного, принесенного в жертву, в соответствии с древним обычаем положены в противоположном к изголовью конце гроба. Вместе с конской сбруей сюда помещены и такие украшения коня, как шейная гривна, бронзовая спираль с отрезанной гривой внутри и др.

Сохранена местная традиция включать в комплект погребального инвентаря по 1–2 янтарных бусины-амулета (рис. 3:4), что особенно характерно для погребального обряда жителей бассейна р. Юра еще с середины I тысячелетия. Обычно амулеты прикреплялись к нагрудным украшениям — к фибуле или булавке. Места находок янтарных бусин в погребениях с трупосожжениями самые различные: в погребении № 148с янтарная бусина нанизана на шнурок, которым был затянут мешочек с сожженными костями; в погребении № 178 одна бусина найдена среди кальцинированных костей в „области груди“, а другая — на левой стороне в „области ног“.

Новый обряд погребения не принес никаких изменений и в отношении ориентировки могильных ям, ибо по-прежнему соблюдалось то же СВ–ЮЗ направление с незначительными отклонениями на С–Ю или

на З–В (погр. № 111, 177). По этому признаку могильник Жасинас можно причислить к другим погребальным памятникам бассейна р. Юра, где уже с середины I тысячелетия СВ ориентировка соблюдалась для мужских, а ЮЗ — для женских погребений. Между тем в курш-

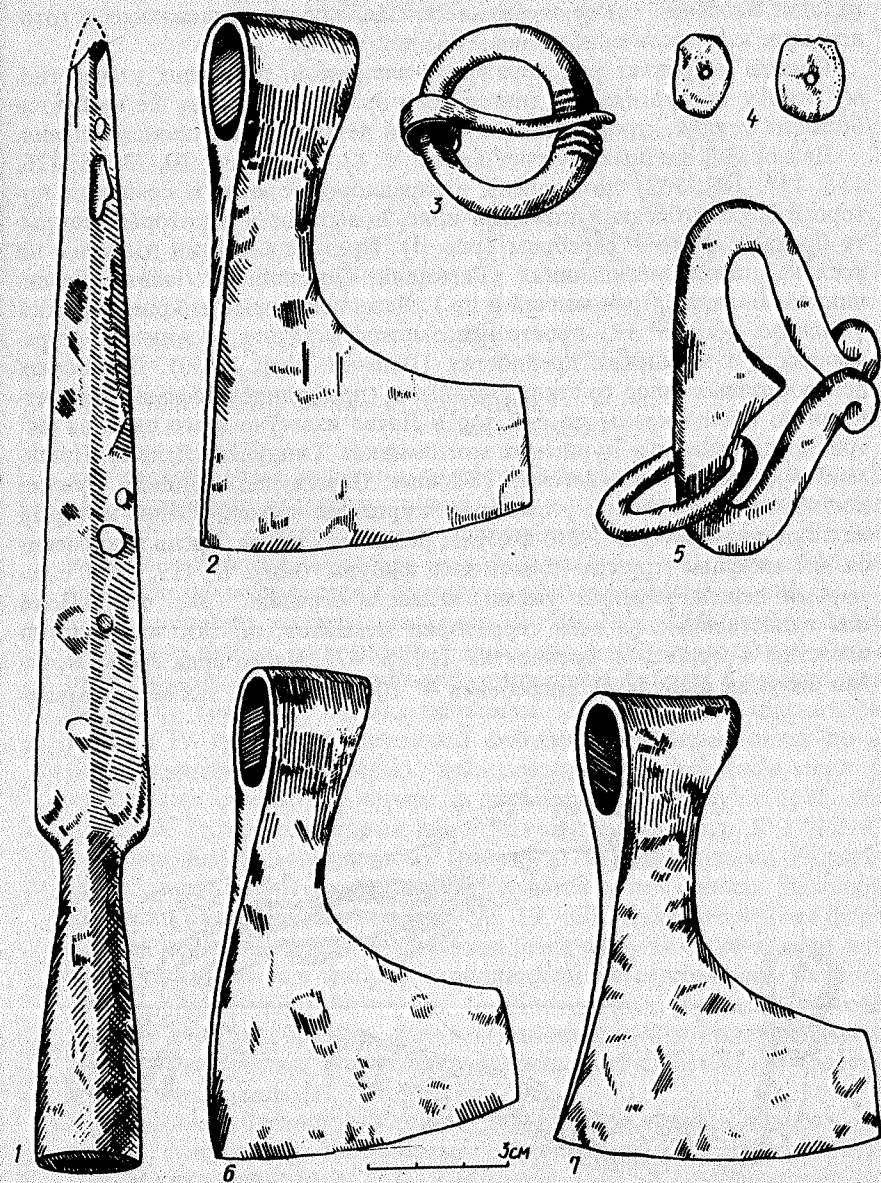

Рис. 3. Могильный инвентарь из погребения № 178: 1 — наконечник копья; 2, 6, 7 — топоры; 3 — подковообразная фибула; 4 — янтарные бусинки-амулеты; 5 — огнива

ских могильниках, одновременных с могильником Жасинас, преобладают преимущественно С, СЗ, З ориентировки, притом в равной мере как для женщин, так и для мужчин (Гинталишке, Гиркаляй, Лаздиникай, Паланга и др.).

Компоненты материальной культуры. Этнокультурные контакты находят особенно яркое отражение в изделиях, заимствованных в готовом виде как законченное этническое достижение.

Одежда сохраняет ряд первичных элементов, присущих конкретному этносу на протяжении длительного времени. Поэтому не требуется больших усилий, чтобы установить в ней детали чужого происхождения.

Целый ряд знатных мужчин (погр. № 12, 13, 20, 34, 70, 73, 85, 116, 121, 137, 169, 182) похоронены в парадном костюме, в комплект которого входит богатый кожаный пояс, поверхность некоторых покрыта бронзой, реже — серебром (рис. 4). Прямые аналогии известны во всех куршских могильниках (Гиркаляй, Гинталишке, Лайвяй, Лаздиникай, Паланга, Пришманчяй и др.). Даже некоторые ажурные пряжки (Жасинас, погр. № 12) просто невозможно отличить от изделий, встречающихся в куршских древностях (Паланга, погр. № 60). Бронзовых лентообразных шпор со стилизованными (профилированными) пальметками по обоим краям до сих пор в Литве известно всего пять, из них три представлены в куршских могильниках (Андуляй, Лайвяй, Пришманчяй), а два — жемайтские (Жасинас, Парагаудис). Одежду мужчин дополняли и бронзовые украшения, куршское происхождение которых не подлежит сомнению. Это фибулы различных видов. Среди них имеются две ажурные круглые пластичные фибулы (погр. № 129, 130) с четырьмя переплетенными усами-змеями в середине (рис. 5:1). Пока они единственные на всей территории жемайтов, но зато их аналогии известны в куршских древностях [19, р. 67]. Иного вида третья круглая ажурная фибула из погребения № 104 (рис. 5:2), также указываю-

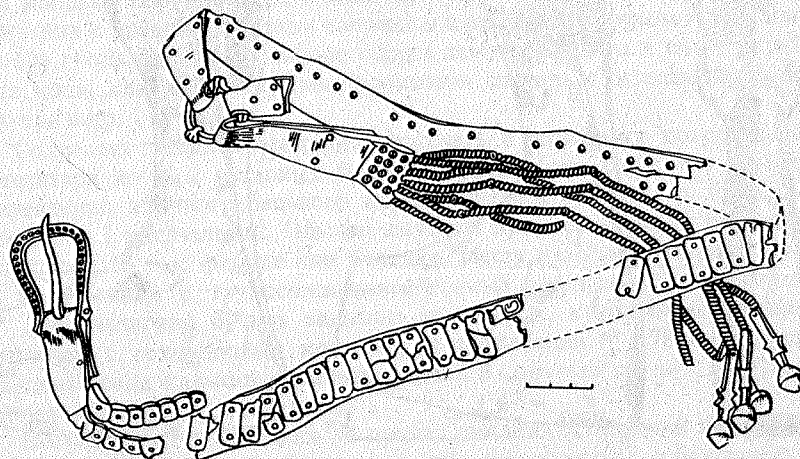

Рис. 4. Пояс из погребения № 13

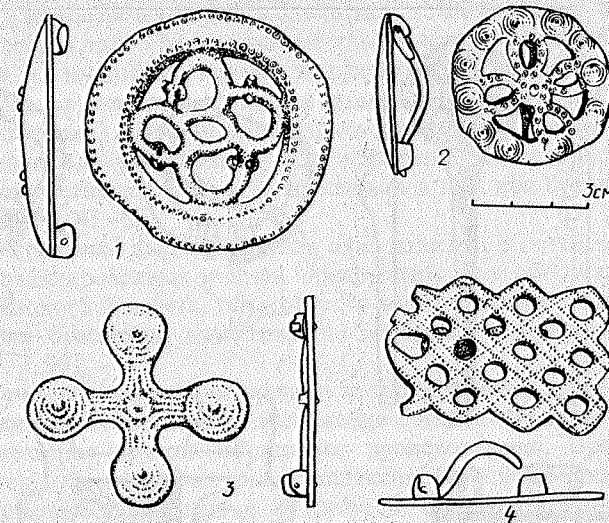

Рис. 5. Пластинчатые фибулы из погребений: 1 — № 130; 2 — № 104; 3 — № 203; 4 — случайная находка

щая на контакты с куршами, для которых характерны круглые нагрудные украшения различных видов [19, р. 67]. Лишь в одном погребении (№ 203) обнаружена крестовидная фибула (рис. 5:3). Случайно найдена четырехугольная ажурная фибула (рис. 5:4). Для обеих близкие аналогии встречаются в куршских могильниках [19, р. 68].

В материалах могильника (погр. № 123, 136, 156) содержатся еще несколько фибул, вид которых довольно редко представлен в памятниках жемайтов: это плоские арбалетовидные фибулы с перекладинами на ножке (рис. 6:5, 6). По типологии [19, р. 46, 47] они относятся к III и IV группам и идентичны фибулам, найденным почти во всех одновременных могильниках, исследованных на побережье моря. Следует также отметить и четыре подковообразные фибулы (рис. 6:3, 4 и рис. 3:3), среди которых две с маковидными (погр. № 148с) и две с утолщенными расширенными (погр. № 172, 178) концами. Украшения таких типов преимущественно встречаются в памятниках, находящихся также на побережье моря [19, р. 59, 60]. Излюбленной же формой подковообразных фибул у жемайтов были фибулы с гранеными пуговками на концах или фибулы с цилиндрическими концами (Бикавеная, Упина, Парагаудис). Возникает предположение, согласно которому наличие подковообразных фибул с маковидными и утолщенными концами в материалах могильника Жасинас оценивается как результат контактов с куршами.

Коллекция булавок, собранных в могильнике, также говорит о контактах с куршами. Наглядными свидетелями этого служат булавки с колесообразной (рис. 6:1) и ажурной (рис. 6:2) головками. Количество украшений первого типа в археологических материалах Литвы

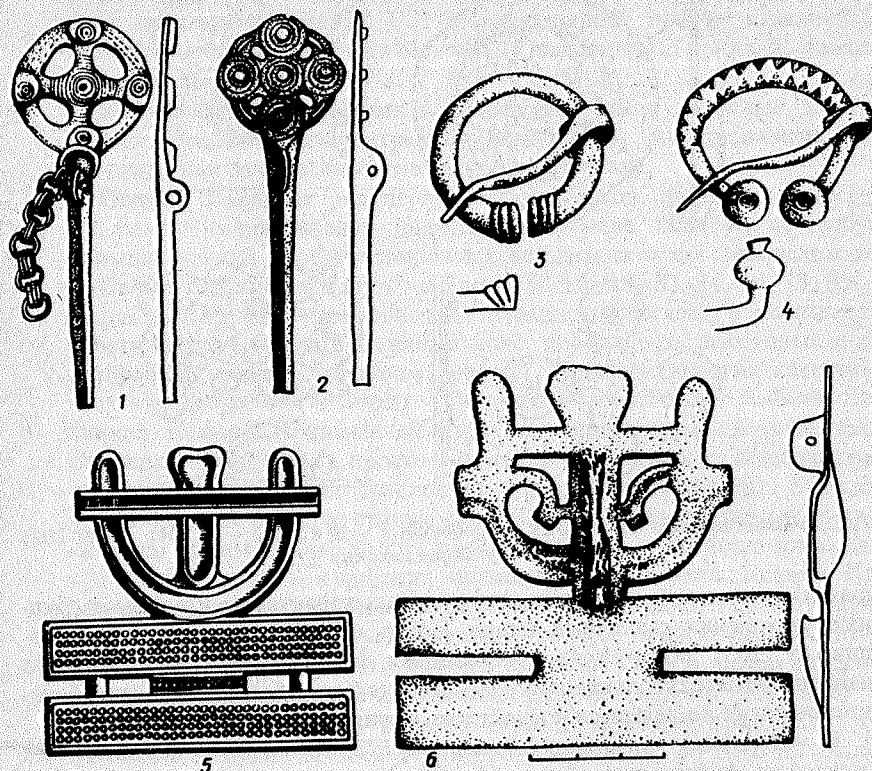

Рис. 6. Нагрудные украшения: булавки (1 – погр. № 119, 2 – случайная находка); подковообразные фибулы (3 – погр. № 172, 4 – погр. № 148С); арбалетовидные фибулы с перекладинами (5 – погр. № 136, 6 – погр. № 123)

не превышает 15 и все они найдены в куршских памятниках конца I – начала II тысячелетия [19, р. 9]. Происхождение булавок второго типа также связано с куршской культурой X–XI вв. [19, р. 9]. Единичные булавки с ажурными головками, правда, с некоторыми деталями местного характера, встречаются иногда в жемайтских древностях (Жасинас, Бикавенай, Парагаудис), но булавка с колесообразной головкой из Жасинаса пока единственная такого рода находка во всем бассейне р. Юра. Она явно чужая среди многочисленных булавок с крестовидными головками или гвоздеобразных булавок с дисковидной плоской шляпкой местного происхождения. По назначению оба украшения существенно отличаются от куршских украшений данного вида. Дело в том, что куршские булавки рассматриваемого вида предназначались для прикрепления головного убора [1, р. 174], а булавки из могильника Жасинас имели, без сомнения, другую функцию, так как они были нагрудными украшениями. Наличие петли для цепочки у обеих булавок ниже головки и даже фрагмента самой цепочки в петле (рис. 6:1), на наш

взгляд, – красноречивое доказательство того, что оба украшения употреблялись в паре. То, что так местные мастера соединяли булавки, проникшие из куршских земель, подтверждают и находки, известные и в материалах некоторых других жемайтских могильников (Парагаудис, Бикавенай), где они соединялись попарно. Кроме того, у куршских булавок (предназначенных для прикрепления головного убора) нет петли для цепочки. Они и не нуждались в ней, ибо булавки носили по одной [20, р. 41–52].

Среди украшений выделяется еще одно изделие. В погребении № 185 около кальцинированных костей обнаружены два обгоревших фрагмента бронзового браслета, тип которого в Литве относится к VI группе зооморфных браслетов, известных по материалам куршских могильников [19, р. 99].

При изучении вооружения пришли к выводу, что и в военном деле местные жители использовали достижения соседей. Об этом свидетельствует некоторое оружие куршского происхождения. Прежде всего это два меча, обнаруженные вне комплексов. По классификации Я. Петерсена, впервые примененной в Литве в 1964 г. [21, р. 197–227], один из мечей (рис. 7) относится к типу Т. Обращает внимание отделка рукоятки с заметными следами серебра. На ней хорошо прослеживаются не только геометрический орнамент, но и изображение стилизованных головок птиц или дракона. Некоторые исследователи аналогичные мечи единогласно относят к куршским древностям [22, л. 113; 23; 24, с. 50; 25, с. 273; 26, с. 39]. Другой меч принадлежит к

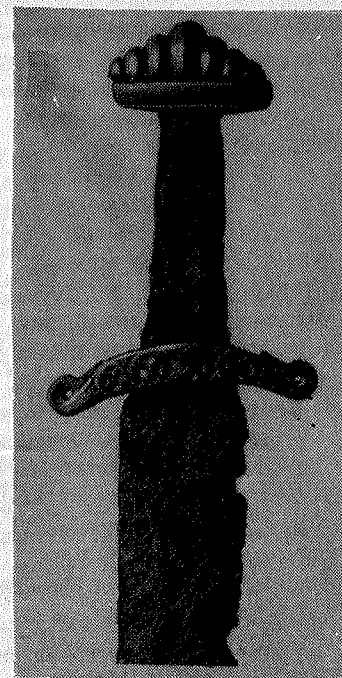

Рис. 7. Меч. Случайная находка

группе так наз. антенных мечей, которые считаются оружием куршского изготовления [1, p. 202; 21, p. 218; 27, p. 27].

Наряду с проникновением обряда кремации в погребениях с трупосожжениями появляется новый тип оружия — боевые топоры, до этого не известные в могильных комплексах Жасинаса. В связи с этим возникает предположение, что они попали сюда под влиянием традиций куршей, которые, действительно, часто включали боевые топоры в набор погребального инвентаря знатного мужчины (Вардува, Гинталишке, Гриеже, Лайвяй, Паланга). Интересен тот факт, что среди топоров, найденных в Жасинасе, выделяются три изделия (см. рис. 3:2, 6, 7), которые отличаются от остальных меньшими размерами. Если первые достигают величины всего 9,5–11,5, то вторые — 19–13,5 см. Возможно, в этом можно проследить воздействие куршской традиции, согласно которой для загробной жизни мужчин обеспечивали не только настоящими, но и миниатюрными ритуальными топориками [28, p. 54]. По классификации Р. Волкайте-Куликаускене, топоры, обнаруженные в Жасинасе, относятся к III типу, известному в Литве в XI–XII вв. [27, p. 26].

Обзор приведенных примеров служит, на наш взгляд, обоснованным поводом для утверждения наличия этнокультурных процессов в бассейне р. Юра в X–XII вв., в результате которых культурными ценностями куршей обогатилась как духовная (похоронный ритуал), так и материальная (одежда, вооружение) культура жемайтов. Следовательно, новое (чужое) становится достоянием местного населения, что, очевидно, связано со сближением отдельных балтских племен, консолидацией и формированием литовской народности накануне образования Литовского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX–XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
2. Tautavičius A. I–XIII a. laidojimo paminklai Lietuvoje. — In: LAA. V.: Mokslas, 1977, t. 3.
3. Таутавичюс А. З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
4. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuvių tautybės susidarymas (archeologiniai duomenimis). — In: LIM — 1977. V.: Mokslas, 1978.
5. Волкайте-Куликаускене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии). — СЭ, 1979, № 3.
6. Таутавичюс А. З. Территория жемайтов по археологическим данным V–XII вв. — В кн.: 20 лет. Вильнюс, 1968.
7. Tautavičius A. Žemaičių etnogenezė (Archeologijos duomenimis). — In: Iš lietuvių etnogenezės. V.: Mokslas, 1981.
8. Вайткунскене Л., Казакиявичюс В. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1976. М., 1977.
9. Вайткунскене Л., Казакиявичюс В. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1977. М., 1978.
10. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1978. М., 1979.
11. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1979. М., 1980.

12. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.
13. Sadauskaitė I. Dėl mirusiųjų deginimo papročio. — In: ILKI. V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
14. Žiogas J. O grobach na cmentarzysku „Imbary“ na Żmudzi, w powiecie Telszewskim, gubernii Kowieńskiej (рукопись находится в архиве Шяуляйского историко-этнографического музея „Аушра“).
15. Laivių kapinyno 1951 m. tyrinėjimų ataskaita. — Архив ОАИИ ЛитССР, д. 8.
16. Vaitkunsienė L. Žirgų aukos Lietuvoje. — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
17. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Пагрибис. — АО-1980. М., 1981.
18. Vaitkunsienė L. Gintališkės kapinynas. — In: LA. V.: Mokslas, 1979, t. 1.
19. LAA. V.: Mokslas, 1978, t. 4.
20. Volkaitė-Kulikauskienė R. Nauji duomenys apie Vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. — MADA, 1964, Nr. 2(17).
21. Volkaitė-Kulikauskienė R. IX–XII amžių kalavijai Lietuvoje. — In: ILKI. V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1964, t. 4.
22. Šturms E. Kuršu zobeni. — SM, Rīga, 1936.
23. Balodis Fr. Latviešu vēsture. — I. — Senā Latvija. Rīga, 1938.
24. Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. — Рига: Зинатне, 1965.
25. Кирпичников А. Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. — Скандинавский сборник. Таллин, 1966, т. 11.
26. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок (посад — окольный город). — Л.: Наука, 1981.
27. Volkaitė-Kulikauskienė R. Ginklai. — In: Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
28. Nakaitė L. Miniatiūrinės IX–XIII amžių įkapės Lietuvoje. — MADA, 1964, Nr. 2(17).

ZUR FRAGE DER KONTAKTE DER BALTISCHEN STÄMME IN LITAUEN VON 10. BIS 12. JH.

L. Vaitkunsienė

Zusammenfassung

In den Jahren 1976 bis 1979 wurde im Flussbecken der Jūra das Gräberfeld von Žasinas (Rayon Šilalė) — ein Denkmal der shemaitischen Kultur von 10. bis 12. Jahrhundert — erforscht. Die ethnische Deutung des Ausgrabungsmaterials ermöglichte es, die Kontakte der Shemaiten mit den anderen baltischen Stämmen zu verfolgen, die damals das Territorium Litauens bewohnten. Im Artikel wird greifbar dargelegt, wie die Beziehungen mit den Kurschen verschiedene Gebiete der shemaitischen geistigen (Bestattungsbräuche) und materiellen Kultur (Kleidung, Bewaffnung) beeinflusst hatten. Die Verfasserin vertritt den Standpunkt, dass die kulturellen Verbindungen die baltischen Stämme einander näherbrachten, und ihre Konsolidierung beschleunigten, was mit der Zeit zur Bildung des litauischen Volkes führte.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БАЛТСКИХ И ЮЖНОЭСТОНСКИХ ПЛЕМЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

М. Аун (Таллин)

Во второй половине I тысячелетия н. э. на территории южной Эстонии, как и во всей Восточной Прибалтике, наблюдаются заметные изменения в материальной культуре и погребальном обряде, возникшие, как пра-